

Обон, вечер первого дня.

Ради вернувшихся дочери и внучки... Хотя наверное процентов на восемьдесят ради внучки мама устроила настоящий пир.

— М, вкусно. Бабушка, ты готовишь всё также лучше всех, — хвалила Миу, набив рот карааге.

И мама радостно улыбалась:

— Ах. Миу-тян мою стряпню нахваливает. Я много приготовила, так что ешь, не стесняйся.

— Ага, буду.

Миу ела и правда с энтузиазмом.

— Хи-хи, как же приятно смотреть на то, как едят дети. Когда вдвоём с отцом, желания стараться нет. Даже в последнее время стали еду в магазине брать, — мягко сказала она и улыбнулась.

Катсураги Харуэ... Моя мама.

У неё были ухоженные длинные волосы и доброе лицо.

С виду сорок с небольшим, но на деле ей уже было ближе к шестидесяти.

Как и у меня, хорошо это или плохо, у неё детское лицо, и она выглядит куда моложе, чем на самом деле.

— Какой же Миу-тян большой стала. Ещё недавно начальную школу закончила, а уже старшеклассница. И мои годы уже берут своё, — отец весело говорил, попивая пиво. Не мог сдержать радость от того, что увиделся с внучкой.

Катсураги Фумихиро... Мой отец.

Смуглое и морщинистое лицо и короткие седые волосы. Ему уже было за шестьдесят, но он до сих пор продолжал работать плотником, и телосложение у него всё ещё было крепким.

— Такой красавицей выросла.

— А, правда? Всё благодаря генам дедушки-красавчика, видать?

— Ха-ха. Снова про гены? Деньги на Обон хочешь?

— Нет, совсем нет. Что подумала, то и сказала. Дедушка, тебе ещё пива подлить?

— Ха-ха-ха. Хороша ты, Миу-тян. Мать, а девчонка-то шустрая.

— И-хи-хи. И правда.

Они души не чаяли во внучке, которую давно не видели.

И Миу тоже молодец.

Знает, как себя со стариками вести.

— Кстати, Миу-тян, как дела в школе? Весело? — поинтересовалась мама.

— Да, весело. Учиться тяжело. Но я подтянулась и хожу в подготовительную школу.

— Миу-тян, ну эту учёбу. Пока ребёнок, надо веселиться. Вот я половину времени в школу не ходил.

— Миу не такая, как ты, — мама не дала отцу договорить.

А потом снова обратилась к Миу:

— Главное, что тебе нравится. И так что?.. — она ехидно улыбнулась. — Нашла себе парня?

— Пф, — папа пивом подавился. — Мать, ты чего говоришь? Какой ещё парень?..

— Ах? А что такого? Она старшеклассница, потому может завести парня или двух. Миу-тян такая милая, мальчики за ней наверняка так и увиваются.

— Ну нет! Миу, рано тебе ещё парня заводить! Я не разрешаю. Моего разрешения ты не получишь.

— Да кому твоё разрешение нужно, — поражённо сказала мама отцу, который вёл себя как упрямый старикашка.

— Ну так что, Миу-тян?

— Ч-что, Миу-тян?

— М, это.

Родители задали довольно деликатный вопрос, но Миу это не смутило, и она ответила так же жизнерадостно:

— Сейчас никого. Нет парня, достойного меня, — весело сказала она.

— Ах, вот как.

— В-видишь? Я же говорил.

Мама расстроилась, а отец испытал облегчение.

Я довольно наблюдала за ними и ела мамину стряпню, как вдруг.

— А. Но... — следующие слова Миу выбили меня из равновесия. — У мамы появился парень.

— ... Гхы?!

Картофельный салат попал куда-то не туда.

— Кхе, кхе... Н-ну-ка, Миу...

Я посмотрела на неё, и получила в ответ садистский взгляд.

— Эй, мама. У вас ведь всё очень романтично?

— Что...

О чём этот ребёнок только думает?!

Что она тут такое говорит?!

— Ах! Вот оно как, Аяко, — глаза мамы округлились и она радостно улыбнулась.

— Надо же... И когда успела? Если нашла хорошего человека, могла бы и рассказать.

— Нет, ну просто... Мы ведь ещё пока даже не встречаемся...

— Хм? Вот как? Но ты сказала «пока»...

— ... М-может и начнём встречаться.

— Ах... Я и не знала, что у вас там столько всего происходит. Так что он за человек? Чем занимается? — радостная мама завалила меня вопросами.

А отец.

— ... Хо. В-вот как... Н-ну, тебе ведь уже за тридцать. Так что конечно пора. Э-это ведь здорово...

Говорил он спокойным голосом, но при этом запинался.

Всё не как в случае с Миу... Ясно, что он и правда взволнован.

— Эй, эй, Аяко. Так что он за человек? Расскажи маме.

— Нет, ну... Это, это!..

Миу!

В душе я кричала на неё и зло смотрела, а она спокойно продолжала есть.

После ужина время мыться.

— Ах...

Войдя в ванную, я тяжело вздохнула.

Это был настоящий ужас.

Мама засыпала меня вопросами, отец вначале весело пил, но потом потерял интерес и стал пить совершенно тихо.

— Блин... О чём только эта Миу думает?

Я только и смогла ответить невнятно: «Если начнём встречаться, тогда я обо всём расскажу».

Но в итоге я просто отсрочила разговор.

Ах... Вот как.

Если я стану встречаться с Таккуном, придётся обо всём официально рассказать родителям.

... Н-не хочется.

Что мне в таком случае говорить?

Мой парень студент и он на десять лет младше?

А ещё он мальчик, живущий по соседству, которого я очень долго знаю?

Родители знали, как помогала мне семья Атерадзава.

И как они будут на меня смотреть, когда узнают, что я наложила лапы на их единственного сына?..

— У-у...

Сама знаю про нашу разницу в возрасте, и от неё не избавиться словами «если есть любовь, то разница в возрасте не важна».

Мне ведь уже больше тридцати и у меня дочь есть.

Не то положение, чтобы чувствам отдаваться.

И меня волнует отношение окружающих, в том числе и родителей.

Конечно Таккун тоже об этом думал, и я... когда приняла свои чувства, тоже стала готовиться к этому.

Поздно переживать за своё положение и отказываться.

Но... Стоило столкнуться с реальностью, и что-то я слегка растеряла уверенность.

Эх... Не хочется говорить.

Не хочу говорить родителям про Таккуна.

И.

Я как раз сидела в ванной и думала обо всём.

— Мама, — из раздевалки прозвучал голос.

За матовым стеклом был силуэт Миу.

— Что такое, Миу?

— Можно мне с тобой?

— А?.. 3-зачем?..

— Я вхожу, — не дожидаясь моего ответа, Миу разделась и вошла.

Стройная, без намёка на лишний жир. Молодая и подтянутая кожа. Небольшая попка. Моя дочка настоящая красавица... Даже позавидовать можно.

Молодость... Молодость ослепительна.

— Мама, подвинься.

Помывшись, она полезла в ванную.

Она здесь просторнее, чем у нас дома, но для двоих тут тесновато.

— Т-ты чего, Миу?..

Залезла со мной в ванную.

Нечасто такое бывает.

Иногда я к ней лезу, но она сразу же выказывает недовольство.

— М. Да просто. Подумала, что так быстрее будет, — спокойно ответила она. — Потом ведь бабушка с дедушкой ещё мыться будут. Они же специально нас вперёд пропустили, так что надо побыстрее помыться.

— ...

— Ну и ещё... Я хотела немного с тобой поговорить, — сказала Миу.

— Поговорить?..

— Да. Поговорить. Хотя скорее этого не я хочу, а ты.

— ... Да. Мне есть о чём с тобой поговорить, — я уставилась на неё. — Что это было вообще? Я о том, что у меня парень появился.

— А, всё же разозлилась?

— Не разозлилась... Просто хочу узнать, что ты задумала.

— Подумаешь. Всё равно это бы рано или поздно случилось. Когда вы соберётесь пожениться, бабушке и дедушке в любом случае рассказать придётся.

— П-пожениться!.. Э-это ведь только возможно... У всего есть свой порядок.

Тут важен порядок и насколько я морально готова.

— Ты только проблем доставила, сказав об этом сейчас... Если они узнают, что он двадцатилетний студент... Я не представляю, что скажут.

— Это я знаю. Наверняка будут против. Потому ты ничего и не рассказала, — спокойно заявила Миу. — Ну, я понимаю, что вышло не очень деликатно... Но если не выбить почву у тебя из-под ног, ты же так и будешь на месте топтаться.

— У...

Она уставилась на меня, а у меня все слова застряли в горле.

Я силой заставила себя ответить:

— У-уже всё в порядке. Когда вернёмся, я обязательно поговорю с Таккуном.

— Ну не знаю. Как только ты его лицо увидишь, сразу попытаешься сбежать. Прямо как с утра.

С утра... А, она об этом?

Когда Миу соврала, я спряталась в машине.

— ... Э-это другое. У меня обстоятельства были.

— Твоё обстоятельство — это любовное избегание.

— Какое ещё избегание?..

— Ты слишком любишь его, потому и избегаешь.

— Э-это...

Хм.

Вряд ли всё можно объяснить такими простыми словами... Но ведь по сути так и есть.

Он мне нравится, но я не знаю, как смотреть ему в лицо, потому и убегая, даже если не хочу... Ага... Хм.

Похоже я и правда его просто избегаю...

— Ну, у влюблённых невинных девушек вполне такие избегания бывают. Среди моих ровесниц такие есть, — однако Миу продолжила. — И вот что я тебе скажу, мама.

— ... Можешь не говорить. Я догадываюсь, так что это ни к чему.

— Избегающая любви тридцатилетняя женщина... Это жёстко.

— ... Говорила же, что можешь не говорить!

Ну виноватая я!

Виноватая, что мне уже за тридцать, а веду себя как подросток!

— Что за драму ты устроила? Куда делась плачущая и говорящая о любви мама? Я думала, что тебе остался всего шаг и всё, счастливый конец, — Миу не переставала плевать ядом.

— ... Я и правда это планировала. Но вышло всё слишком драматично или я слишком уж к этому готовилась... И теперь поняла, что перегибать и идти вразнос явно не стоит...

— И вообще... Ты не думала, что все вокруг, включая братика Таку, поддерживают тебя на пути твоей любви?

— Поддерживают?..

— Ты же всё на месте стоишь, и все прокладывают для тебя дорожку, а тебе только и остаётся вперёд идти, чтобы цели достичь. Все тебя подталкивают, и вот ты наконец пересекла линию старта... А у тебя будто уже после первого шага растяжение.

— Я настолько жестока?!

У меня такая поддержка, а я тут связки растягиваю?!

Даже забавно немного...

Будь это развлекательная передача, я бы сотню баллов там набрала.

— У... Знаю. Знаю я, сама прекрасно понимаю, какая жалкая. Все меня поддерживают... А я всё мнусь... Как же стыдно.

— ... Ну, стыдиться тут нечего. Ты просто ни на кого не обращаешь внимания и делаешь всё по-своему. Конечно стоит слушать, что тебя говорят... Но если так подумать, тебя загнали туда, откуда возврата уже нет, — с лёгкой сентиментальностью заговорила Миу.

Раньше тон был резче, а теперь смягчился.

— Это может быть непросто, когда тебя все поддерживает. Начинает казаться, что провал недопустим, и нужен не успех, а огромный успех... И ты тоже под давлением оказалась.

— Миу...

— Просто ты не стартовала когда надо... И точно на холостом ходу стоишь. Да, вот. Когда перед тобой вымощенный асфальт, сразу с коленями какие-то проблемы начинаются.

— ...

В груди растекалось тепло.

Всё же Миу хорошая девочка.

Я думала, она пришла отчитать меня за нерешительность, но это не так.

Я нерасторопная, и Миу переживает за меня.

И испытывает вину за то, что подгоняет меня с моими чувствами.

— ... Спасибо, Миу, — сказала я. — За то, что волнуешься за меня.

— ... Не волнуюсь. Скорее сочувствую и жалею.

— Возможно ты и права... Я всё никак не могла стартовать.

Я заметила свои чувства к Таккуну благодаря окружающим... И конечно же благодаря Миу.

Если бы не её представление, я бы до сих пор отворачивалась от них, и мы бы увязли в отношениях больше чем друзей, но меньше чем влюблённых.

Если уж выражаться некрасиво, мне поддали пинка на старте.

Но...

— Но я очень благодарна. Если бы меня никто не поддерживал, если бы ты не подталкивала, я бы никогда не смогла стартовать, — сказала я. — Благодаря тебе я смогла сделать первый шаг.

— А в итоге растяжение.

— П-помолчи.

После ванной я начала готовить постель.

— Вот так.

Я взяла футон и стала стелить на двоих.

И пока занималась этой однообразной работой, в голове.

— Растяжение...

Всё ещё звучали слова, сказанные Миу в ванной.

Мой маршрут в любви и правда был проторенным.

Таккун искренний и благородный, а иногда страстный, и он уже даже успел родителей убедить.

Главной преградой в любви могла стать дочь... Но она просто невероятным образом помогает мне и подталкивает вперёд, умная и надёжная, самая лучшая дочка, заботящаяся о маме.

Оиномори-сан суровая, но добрая, мама Таккуна очень хороший человек... Помимо меня на моей дороге любви одни только замечательные люди.

И благодаря этому.

«Тридцатилетняя мать-одиночка x двадцатилетний студент».

Ухабистая история любви... Превратилась в гладкую асфальтовую дорогу.

Оставалось лишь идти прямо. Простой маршрут, по которому сто из ста человек придут к успеху... А у меня растяжение уже после первого шага.

— Эх...

Саму себя расстраиваю.

Похоже Миу права, всё вокруг слишком идеально, что для меня это превратилось в лишнее давление... Но всё равно виновата в этом только я.

Нет ничего постыднее, чем завалиться на ровной дороге.

— ... А, точно.

Тут... Я вспомнила прошлое.

О том, как упала и растянула ногу.

Такое уже было однажды.

Я никогда особо не болела и не ранила себя, но в прошлом как-то раз растянула ногу.

И выручил меня тогда конечно же...

Это случилось пять или шесть лет назад.

Не помню, что за время года было, но его помню хорошо.

Он уже поступил в среднюю школу и очень вытянулся.

Но всё ещё был немного ниже меня.

И ещё.

Он говорил о себе как о ребёнке, а меня звал «мама Аяко».

— Эх... Ну вот.

Я возвращалась из супермаркета по соседству.

Там со скидкой продавали мясной фарш, так что я думала сделать гамбургеры, слишком обрадовалась... И упала.

Ничего на дороге не мешало, а я буквально навернулась.

Да уж... Хм.

Когда взрослый падает, тут сильнее всякой боли стыд.

И ещё стыдливее было от того... Что упала без всякой причины на ровной дороге.

Видать дело в недостатке физических упражнений.

— ... Больно.

Держась за ограждение, я потирала лодыжку.

К счастью улица мало оживлённая, так что никто не видел, как я грохнулась.

Хотелось уйти до того, как меня кто-нибудь увидит, но когда я сделала шаг, ощутила боль в ноге.

Похоже когда падала, подвернула.

... И это на чистой дороге.

— Сломала?.. Вроде нет.

Я сняла обувь и носок и увидела, что нога слегка опухла.

Боль не была невыносимой. Но если опереться, боль становилась куда сильнее. Идти было тяжело.

— Ч-что же делать?..

Неловко вот так в скорую звонить, но и до дома добраться будет непросто. И что в таком случае делать?..

Я была озадачена... И тут.

— Мама Аяко?..

Появился возвращавшийся из школы Таккун.

В школьной форме и с ранцем на спине.

И сразу что-то заподозрил, когда увидел меня с одной босой ногой. Мальчик тут же подбежал.

— Что случилось, мама Аяко?

— Таккун... Это, я упала и ногу подвернула.

— А... Т-ты в порядке?!

— Ага. Не так уж и больно. Но... Ходить тяжело. Скорее всего у меня растяжение.

— Как же так... — начал переживать он.

А потом с серьёзным видом задумался.

— ... М.

И вот через несколько секунд принял решение.

Он перевесил рюкзак вперёд и подставил мне спину.

А потом решительно проговорил:

— Мама Аяко, забирайся!

— ... А, а-а?!

Я была поражена.

Забираться, в смысле...

— Я понесу тебя на спине до больницы.

Всё же в этом.

На спине? Меня? Таккун?

Взрослую женщину... Понесёт мальчик из средней школы?

— Н-не надо. Не так уж сильно я и пострадала.

— Не относись пренебрежительно к растяжению. Лучше стоит поскорее осмотреть.

— ... Но тебе не обязательно это делать. К тому же... Знаешь, я наверное тяжёлая. Недавно... Ага, самую малость, но я вес набрала...

— Я справлюсь. Я же плаванием занимаюсь.

На компромисс Таккун идти не собирался.

— ... Это. Тогда полагаюсь на тебя.

Под таким напором я приняла его предложение.

Эх... И всё же невыносимо стыдно.

Пусть тут никого нет, в моём возрасте кататься на чьей-то спине.

К тому же... На спине школьника, который на десять лет меня младше.

Что люди подумают, если увидят?

Тут... Я посмотрела на спину присевшего Таккуна.

Такой хрупкий и худой.

Пусть и вытянулся, но спина всё ещё меньше, чем у меня... К тому же наверное он легче меня.

Какой же виноватой я себя чувствую от мысли, что такой мальчик меня понесёт.

— Я-я забираюсь.

Всё ещё сомневаясь, я залезла к нему на спину.

— ... Ух, — простонал Таккун.

— Н-ну вот, тяжело же? Ни к чему это, я слезаю.

— ... Всё в порядке. Ты не тяжёлая. Лёгкая как пёрышко.

Специально так говоря, Таккун сделал шаг.

Шаг, второй, третий.

Вначале неуверенно, но потом шаги становились всё твёрже, и вон он уже нормально шёл вперёд.

— Ну вот. Всё в порядке.

— И правда... Ну ты даёшь, Таккун.

Я была впечатлена.

Ничего себе.

Таккун успел стать таким сильным.

— Держись, мама Аяко, я тебя быстро до больницы домчу.

— У-угу, хорошо.

Положившись, я крепко держалась за него.

Обвила руки вокруг шеи и крепко прижалась всем телом.

— ... М.

И тут шаги снова стали неуверенными.

— М-мама Аяко... Не обязательно настолько крепко держаться. Это... Ты грудью прижимаешься.

— А?... А. П-прости.

Я слегка отпрянула. Из-за того, что ни о чём не думала, прижалась к нему грудью.

Ну да.

Таккун ведь уже в средней школе. У него период полового созревания. И его интересует женская грудь.

Прошло то время, когда мы могли мыться вместе, он мог увидеть мой лифчик или прижаться ко мне, завернутый в штору!

Ах, Таккун до ушей покраснел...

У... Что же делать? Из-за того, что ему стыдно, мне тоже стыдно становится. И из-за того, что несёт меня на спине, за попу меня держит.

Интересно, что он испытывает, когда трогает меня за неё? Надеюсь, не думает: «Попа у мамы Аяко куда больше, чем я думал...»

— ... Мама Аяко, — он нарушил неловкое молчание. — Что бы ты делала, если бы я не появился?

— ... Что бы делала? Поплелась бы домой или в больницу, наверное.

— Нельзя же так. Если окажешься в беде, ты же можешь меня позвать. Мы же обменялись телефонами, — переживая, сказал он.

Да. У Таккуна уже есть сотовый.

Хоть он только в средней школе, в этом нет ничего странного.

Когда я была маленькой, как бы ни просила, пока не пошла в старшую школу, мне его не покупали.

Миу сейчас в начальной школе, но уже всё просит «хочу, хочу», когда пойдёт в среднюю, придётся купить.

— А... Но я ведь тебе столько хлопот доставлю, если позову из-за этого.

— Ничего ты мне не доставишь, — серьёзно сказал он. — Если будешь в беде, я прибегу куда угодно.

— Хи-хи. Спасибо, Таккун. Мне приятна твоя забота.

— Э-это не просто забота. Я серьёзно, — недовольно возразил он и при этом казался таким милым.

В голосе, лице и повадках всё ещё осталось что-то детское.

Но... Когда он вот так нёс меня на себе, казался очень мужественным.

А его маленькая спина теперь выглядела больше и надёжнее...

— А ты вырос, Таккун, — проговорила я.

Когда мы только встретились, он был милым точно девочка, а тут уже носит меня на спине.

— ... Ну конечно, — слегка смущённо ответил Таккун. — Не могу же я вечно оставаться ребёнком.

— Хи-хи, точно.

— И ещё вырасту. Скоро я уже буду выше тебя.

— Вот как. И когда ты вырастешь и станешь замечательным мужчиной... Я наверное стану претенденткой тебе в жёны.

— А!

Я слегка пошутила и получила немного неожиданную реакцию.

— А-ха-ха. Ну ты даёшь, Таккун. Я же пошутила, не удивляйся так.

— П-пощутила...

— Я не серьёзно. Испугался, Таккун? Что такая взрослая тётя станет твоей невестой?

— ... Не испугался.

Голос его и правда не дрогнул.

Не поворачиваясь ко мне, он шёл дальше, и при этом уши у него пылали.

— Я не против.

— Таккун...

Скорее всего это была простая забота, пустые слова.

Так я решила.

Я ляпнула, а он решил меня поддержать.

Но голос был серьёзным, и в него была вложена решительность... У меня даже сердце подпрыгнуло.

— ... М.

Нет.

Нет, нет, нет, нет, нет!

Всё не так, это же странно!

Чего сердце-то подпрыгнуло?!

Чего моё сердце бьётся быстрее от слов мальчика, который на десять лет младше?!

У... Ужасно, прост ужасно. Пусть в моей жизни и нет мужчин, но это не значит, что сердце должно бешено стучаться из-за школьника-соседа.

Блин... Это всё из-за Таккуна.

Всё он виноват.

Блин.

Ещё такой маленький... Так чего такой классный?

Придавшись воспоминаниям, я испытала неловкость и счастье.

— ... Если подумать, тогда был последний раз. Когда он говорил о себе как о ребёнке. И меня называл «мама Аяко».

И голос у него тогда же меняться начал.

У него стали появляться вторичные половые признаки, голос стал ниже, и он перерос меня.

А потом он стал говорить о себе как о мужчине, меня начал называть Аяко-сан и разговаривать

более уважительно.

И мне от этого было одновременно радостно и грустно.

— Сейчас Таккун... С лёгкостью мог бы отнести меня на спине.

Какой там на спине, на руках бы мог.

И вообще... Уже делал это.

Такой большой стал.

Высокий, взрослый и крутой стал...

— ... Нет.

Не так.

Не стал.

Маленький Таккун тоже был крутым.

Прямо как принц выручал меня, когда я попадала в беду.

Правильнее говорить, что он всегда был классным, а стал ещё круче. И теперь Таккун такой крутой, каким не был никогда... А, но в детстве он был таким милым...

— ... Ах, Аяко.

Пока я придавалась своим мыслям, на второй этаж поднялась мама.

Похоже она тоже уже помылась, на ней была пижама.

— Я бы постелила.

— Я и сама могу. А Миу где?

— Внизу, отцу показывает, как обращаться со смартфоном.

Обычное общение со стариками.

Внучка рассказывает, что делать со смартфоном.

Я с мамой вместе стала стелить футон.

— Пойдёшь завтра домой к Ниодзаки-сан?

— Да. Планировала.

Это семья отца Миу.

Семья, частью которой стала моя сестра.

Хотя её муж был лишь третьим сыном, потому особо в семью она не вошла, но фамилию сменила.

Потому и Миу раньше звали Ниодзаки Миу.

После смерти родителей, я взяла её к себе и сменила фамилию на свою.

Я каждый год на Обон хожу к семье Ниодзаки.

Хочу, чтобы дедушка с бабушкой тоже увидели внучку... Да и могилу надо навестить.

Моя сестра, мама Миу... Ниодзаки Мивако покоится в семейной могиле семьи Ниодзаки вместе с мужем.

Когда навещу их семью, вместе мы пойдём на могилу.

— Кстати, Аяко, — закончив стелить, спросила мама. — Про парня своего... Точно не расскажешь?

— ... Н-ну ты пристала.

Я думала, что отвязалась, но она не сдалась.

Мама у меня до жути любознательная.

— Что ещё за «пристала»? Конечно мне интересен парень дочери.

— Говорю же, не парень он мне пока.

— Но ведь обратный отчёт до этого уже ведётся?

— Это... В общем это секрет! Когда всё разрешится, я расскажу, а пока не спрашивай! — прекратила я разговор.

— Да уж. И чего ты так стесняешься?.. И я ведь не просто из интереса спрашиваю. И не собираюсь всё про него расспрашивать, — поражённо сказала мама. — Он ведь знает, что связывает тебя и Миу?

— ... Ну да.

— Тогда я возражать не буду. И Миу похоже вас поддерживает. Если ты и Миу считаете, что он хороший человек, я ничего не скажу.

— ... Это.

— И отец так же думает. Конечно когда дочь замуж выходит, любой отец противоречивые чувства испытывает... Но и ты уже не девочка. Возможно второго такого шанса уже не будет, потому он ничего говорить не станет. Даже если отец будет ворчать, я ему помешать не дам, так что не переживай. Не упusti свой шанс, Аяко.

— ...

Как я и предполагала, это был предсвадебный разговор.

Ну, при условии, сколько мне лет, «встречаться» равно «свадьбе».

Вот только... Избранник мой ещё студент.

Она точно будет против.

Сейчас мама радостная, типа «спасибо, что берёте мою тридцатилетнюю дочь с ребёнком»... Но когда узнает, что это двадцатилетний студент, к тому же единственный сын семьи, которая столько нас поддерживала, точно в штыки всё воспримет.

Н-не могу сказать...

По крайней мере сейчас я точно не могу это сказать.

— ... Пора бы и тебе тоже подумать о своём счастье.

Пока я скиталась в собственных сомнениях, мама кротко сказала мне это.

— Целых десять лет ты одна растила Миу-тян... Память о Мивако. Тебе приходилось терпеть и много о чём беспокоиться. Но ты вырастила прекрасного ребёнка.

— Мама...

— Ты вложила в неё столько сил, сколько некоторые в своих родных детей не вкладывают. Я так удивилась на похоронах Мивако, когда ты сказала, что возьмёшь Миу-тян. Подумала: «Что такое несёт этот ребёнок?»

— А-ха-ха...

Я вспомнила. Когда я приняла решение взять Миу десять лет назад... Мама выглядела очень озадаченной.

Когда я взяла её, мама была против.

Всё же она думала о моей жизни, потому я её понимаю.

Но я не уступила.

За спиной Миу она много раз пыталась убедить меня.

Но в итоге сдалась и даже начала поддерживать.

— Теперь я уже могу сказать... Если бы ты сказала, что в итоге не сможешь заботиться о ней, мы бы сами взяли Миу-тян. Я с отцом говорила об этом.

— Вот как?

Я слышала об этом впервые.

— Так ведь... Я думала, что у тебя ничего не выйдет, — вздохнув, сказала мама. — Двадцатилетняя девчонка, у которой не было ни мужа, ни детей, собралась растить ребёнка одна. Я подумала, что чувства поутихнут, и ты быстро образумишься. И когда придёшь

просить... Мы с отцом возьмём Миу. Ещё одного ребёнка мы бы как-нибудь вырастили.

— ...

Дело не в том... Что они вообще в меня не верили.

Просто думали дать мне путь для отступления.

Это была любовь моих родителей ко мне.

— Но, Аяко, ты растила Миу-тян все эти десять лет. Ни разу не пожаловалась и исполняла роль матери, — сказала мама.

Она посмотрела мне в глаза и нежно улыбнулась:

— Мы совсем не понимали нашу дочь. Недооценили твою решимость.

— ... Нет, — я покачала головой. — Когда я взяла Миу... Я приняла решение: «Я всем покажу, что смогу вырастить Миу одна».

У неё только я.

И я должна как-нибудь справиться.

Такое решение я приняла.

И была опьянена собственным героизмом...

— Но моя самоуверенность... Была ложной. Как ты и сказала, я была слишком эмоциональна.

Эмоциональная и самоуверенная.

Сейчас я это понимаю.

Пока растила ребёнка, я поняла это.

Моё решение было достаточно глупым.

— Ведь я... Была не одна, — сказала я. — Одна я ничего не могла. На работе начальник и

коллеги, учителя в школе и садике, соседи, и ты с папой... Мне помогало очень много людей, потому у меня и получилось.

Вырастить её в одиночку.

Если подумать... Я была самонадеянной.

Зазнавшейся и с раздутой самооценкой.

— Аяко...

— И ты сказала, что мне пора думать и о собственном счастье... Но все эти десять лет я не была несчастлива. Конечно было сложно, но я могу сказать, что была счастлива.

Счастлива.

Я правда считаю, что была счастлива.

Миу очень хорошая девочка, она много всего дала мне.

Нас поддерживало очень много людей.

И ещё.

Был парень, который все эти десять лет любил меня.

Всё это время он любил меня и продолжал поддерживать. Я бестолковая и не замечала этого... А когда заметила, меня переполнила радость.

В начальной, средней, старшей школе и университете... Он менялся, оставаясь рядом, такой невыносимо милый.

У меня милая дочь, вокруг хорошие люди... А ещё все эти десять лет меня продолжал любить самый классный на свете принц.

Если спросить, не счастье ли это, то что тогда?

— Так что... Он не награда за то, что мне приходилось терпеть, а как бы... Шагик к ещё большому счастью, чем у меня было до этого.

— ...

Под конец сказать получилось не очень, но мама молча слушала меня.

А потом вздохнула и довольно улыбнулась:

— Ты стала отличной матерью, Аяко.

Эти её слова смутили меня.

Как-то неловко, когда в моём возрасте меня мать хвалит.

На следующий день...

Я и Миу отправились в дом семьи Ниодзаки.

Они тоже живут в северной префектуре, так что от моего дома не так уж и далеко.

Дедушка и бабушка Ниодзаки... Мы поздоровались с родителями отца Миу и вместе пошли на кладбище.

Добравшись, мы поднялись по длинной лестнице.

«Семейная могила Ниодзаки».

Здесь покоятся отец и мать Миу... Моя сестра.

Мы прибрались и поставили свежие цветы.

Мы зажгли ароматическую палочку и свели руки перед могилой.

— ...

— ...

Мы не обговаривали это, но в этом году постояли чуть дольше, чем раньше.

Когда спускались, я спросила так, чтобы другие нас не слышали:

— Миу, о чём ты с ними говорила? — задала я вопрос.

Девушка хихикнула:

— Скорее всего о том же, о чём и ты, мама.

— ... Вот как, — я улыбнулась.

Родители Миу на небесах.

Каждый раз, как приходила, я рассказывала им про Миу... Но в этот раз больше говорила про себя.

Отлично.

Теперь я готова.

Конечно всё ещё неловко перед Таккуном, но я смогла немного успокоиться во время Обона.

Я сказала об этом сестре и её мужу, и теперь не буду сомневаться.

Когда вернусь, прямо скажу.

В лицо выскажу свои чувства.

Прерву то счастье, что было у меня десять лет, и вместе с ним отправлюсь за новым.

<http://tl.rulate.ru/book/71226/2055668>